

его, казалось, не смѣла приставать пыль“; другой же молодѣ, но онъ—магистръ московскаго университета и носитъ очки. Они такъ ему нужны, что, совершивъ извѣстный маскарадъ, переодѣвшись для хожденія въ народъ, очковъ онъ все-таки не можетъ снять: онъ слишкомъ близорукъ. Какъ символичны эти очки! Не ими ли объясняются многія наши политическія крушенія, и не понятно ли, что близорукимъ не могло удастся хожденіе въ народъ?..

Добродушно говорится про курсистку Турчанинову, что она вся была поглощена „агитационной, разговорной дѣятельностью“: два синонима... И когда архіерей заявляетъ, что онъ очень страдаетъ за свою заблудшую паству, и въ этотъ же моментъ „неторопливо принимая бѣлыми пухлыми руками стаканъ чаю“, обращается къ служкѣ: „что-жъ одно варенье, принеси другого“,—то это сочетаніе заботы о паствѣ съ заботой о вареньи слишкомъ жизненно, для того чтобы оно было тенденціозно. То же—и о докторѣ, который, принимая гонорарь „въ самую заднюю часть ладони“, высказываетъ свое мнѣніе о болѣзни, что „можно съ одной стороны, полагать, съ другой же стороны, тоже можно полагать“. И не сухое учительство, а голосъ правды и художества слышится въ этомъ указаніи, что барышня Лиза („Что я видѣлъ во снѣ“) знала только верхи жизни, знала музыку и книги, „тоже только задирающія вопросы жизни, но не разрѣшающія ихъ“: это такъ вѣрно,—мы играемъ